

Весь Пушкин на английском

Евгений Грунин,
ученик 10-го класса
Пушкинской школы
г. Новомосковска
Тульской области,
государственный
стипендиат
Федеральной
программы
«Одарённые дети»

Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
А.С. Пушкин. «Послание к цензору»

В ряду даже самых значительных и радующих событий-подарков, приуроченных в 1999 годах к 200-летию юбилею «солнца нашей поэзии», на особом месте, как нам представляется, — издание полного собрания сочинений А.С. Пушкина на английском языке. Такого ещё не было! Читатели Великобритании и Соединённых Штатов получили (в конце 2003 года последние два тома) яркое, празднично оформленное, научно выверенное пятнадцатитомное(!) издание: три тома лирики, три тома художественной прозы, «Евгений Онегин», поэмы, «Борис Годунов» и другие драматические произведения; «История Пугачёва», «Критическая и автобиографическая проза», три тома писем и «Историческая проза».

То, что этот уникальный проект осуществлён именно в Англии, мы рассматриваем как вполне закономерное событие, ведь общеизвестно, что Пушкин, по его собственному признанию, «с ума сходил» по Байрону, восхищаясь его «мрачной, богатырской поэзией», увлекался Шекспиром, с удовольствием перечитывал романы «шотландского чародея» Вальтера Скотта.

В Англии русского гения знали ещё при его жизни и воспринимали как выдающегося русского поэта, переводили. И вот, наконец, появилось на свет это, бесспорно, очень нужное иностранному читателю издание.

Подчеркнём, что это не только первое, но на сегодняшний день *единственное* зарубежное полное собрание сочинений великого поэта. (У нас в стране академическое издание, задуманное в связи с празднованием 200-летия великого поэта, только готовится: вышел один том — лицейская лирика.)

Инициатор проекта — господин Иан Спрот, бывший министр культуры Великобритании.

Господин Иан Спрот — не университетский профессор и даже не литератор, а политик и бизнесмен. В течение многих лет он был членом британского парламента. В консервативном правительстве занимал посты сначала министра транспорта, затем министра национального наследия, спорта и туризма. Сейчас он глава компании «Милнер и К^о», одно из направлений деятельности которой — книгоиздание.

Идея издать Полное собрание сочинений Пушкина родилась у господина Иана Спрота 16 лет назад, когда он однажды, прогуливаясь вдоль Пиккадилли, увидел постер, представляющий выставку Пушкина в Королевской Академии. «Эврика! — вдруг осенило его. — Вот то, что я должен сделать. Нести Пушкина в массы. Он должен быть доступен не только аристократической публике, не только элите. Он должен быть доступным каждому».

С тех пор Иан Спрот просто «заболел Пушкиным». Во время работы над Полным собранием сочинений он признавался: «Пушкин не просто моя любовь, а часть моей жизни. Я открыл его для себя, прочитав «Арапа Петра Великого». Для русского Пушкин значит даже больше, чем Шекспир для нас. Но вот парадокс: мир по-настоящему не знает этого гения. Его никогда не переводили полностью на английский язык. Считаю, что надо приблизить великое пушкинское наследие к массовому британскому, да и вообще англоязычному читателю. Они оба этого заслуживают».

Случилось так, что будущему министру преподавал Николай Соллогуб — из того самого рода дворян Соллогубов, к которому принадлежал знакомый Пушкина и впоследствии известный писатель Владимир Александрович Соллогуб. Следующий «толчок» по направлению к русской культуре произошёл благодаря истории уже романтического свойства. «Работая в «Санди телеграф», я познакомился с красивой русской девушкой. Мы говорили в том числе и о литературе. Я многое узнал и о пушкинском творчестве. Вскоре «перет судьбы» направил меня к русской литературе и конкретно Пушкину в начале 80-х, когда я был в командировке в Австрии. Единственным изданием на английском языке в венском магазине, куда я зашёл, оказался томик прозы Пушкина! Помню, как меня потрясли уже первые десять строчек «Арапа Петра Великого». Поразил и продолжает поражать сейчас гений Пушкина-рассказчика и историка». Тогда же Иан Спрот и загорелся желанием выпустить Полное собрание сочинений Пушкина.

Мы же горим желанием рассказать об этом не имеющем аналога проекте. Во-первых, потому, что считаем информацию о нём чрезвычайно интересной и ценной для россиян, а сведения на этот счёт, скажем прямо, либо малодоступны (и мы благодарим Российский Фонд культуры за счастливую и уникальную возможность их получить), либо чрезвычайно скудны; во-вторых, потому, что считаем это своим долгом, потому что господин Иан Спрот выразил желание подарить нашей Пушкинской школе один экземпляр издания (ещё только четыре экземпляра издания преподносятся в дар россиянам: в Российский Фонд культуры, Российскую государственную библиотеку (дар был сделан 23 января 2004 г.), Государственный музей А.С. Пушкина в Москве (здесь торжественная церемония дарения состоялась 22 января 2004 г.) и в Российскую национальную библиотеку в Санкт-Петербурге (это произошло накануне «Лицея дня заветного» — 17 октября 2003 г.).

Начнём с предыстории издания.

Ещё в 1990 году господин Иан Спрот обратился в Советский Фонд культуры к его руководителю академику Дмитрию Сергеевичу Лихачёву и Раисе Максимовне Горбачёвой с просьбой привлечь научные силы Фонда культуры к осуществлению этого проекта.

Д.С. Лихачёв принял решение о том, что Фонд будет привлекать научные силы для осуществления этого проекта, и впоследствии сам написал предисловие к тому poem.

Господин Спрот отвечает: «В самом начале академик Лихачёв дал своё благословение на идею такого издания и посоветовал мне, на кого в России мы должны опираться и кого из российских учёных включить в редколлегия. То, что такой учёный, как академик Лихачёв, был вовлечён в этот проект, давало людям повсюду в мире впечатление, что этот проект имеет огромную важность и должен быть поддержан».

Была создана международная редколлегия, под наблюдением которой проект осуществляется. В составе редколлегии ведущие британские, американские и российские учёные-пушкинисты, в том числе: от Англии — Энтони Кросс, профессор Кембриджского университета, лауреат Анциферовской премии (учреждена в Санкт-Петербурге), и Энтони Бриггс, профессор Бирмингемского университета; от США — ветеран пушкиноведения 86-летний Томас Шоу; Россию представляют ведущие сотрудники Пушкинского Дома: профессора С.А. Фомичёв, В.Э. Вацура и Л.М. Аринштейн (председатель Совета Российского Фонда культуры по Пушкинской программе). На российских учёных возложена ответственная задача: оценка и подбор переводов.

В письме к Дмитрию Сергеевичу от 6 марта 1991 г. Иан Спрот так объяснил свою просьбу к академику войти в редколлегию издания: «Ваши уникальные знания и опыт неизмеримо усилят авторитет редакционной коллегии... Я не думаю, что Ваша будущая роль в редколлегии станет обременительной для Вас в смысле работы; но Вы обладаете эрудицией, нужной коллегии для наставления, что было бы для нас большой помощью».

С нашими учёными господин Спрот, в течение последних пяти лет по несколько раз в год приезжающий в Россию, обсуждал и структуру издания, и принципы, и комментарий, и детали переводов пушкинских текстов. Редактировавший тома лирики и писавший к ним предисловия профессор Аринштейн неоднократно сам ездил в Великобританию, а в остальное время активно переписывался с господином Спротом: во время поездки Леонида Матвеевича том собирался вчерне; затем господин Спрот отдавал его перепечатывать, готовый том (в рукописи) присылал в Москву; и далее исправления, уточнения и комментарий делались с помощью факса и по телефону¹.

1

С «технологией» работы нас познакомила руководитель Пушкинской программы Российского Фонда культуры, доктор филологических наук И.Ю. Юрьева.

2

В своём письме к нам он пишет: «Найти деньги на издание было очень трудно: в конце концов я вынужден был платить за всё сам из своих личных средств, но при этом я имею прекрасную бесплатную научную помощь от Российского Фонда культуры, который, со времён академика Лихачёва, прекрасно помогает: сотрудники Фонда отдают своё время и свои научные знания этому проекту». Господин Спрот имеет здесь в виду Леонида Матвеевича Аринштейна и Принну Юрьевну Юрьеву.

3

Тиражи в зарубежных изданиях никогда не указываются, так как это характеристика спроса на издание и влияет на его цену.

Отметим, что научное участие российских пушкинистов в подготовке этого уникального издания благодарно оговорено в каждой книге собрания. Так, уже на первых его страницах выражается признательность Российскому Фонду культуры в лице Никиты Сергеевича Михалкова за привлечение научных сил Фонда к этому проекту и особо отмечается «уникальный и в высшей степени ценный вклад» профессора Аринштейна, непосредственно занимавшегося подготовкой издания.

Не случайно вечер, посвящённый выходу в свет первых пяти томов Полного собрания сочинений, состоялся 8 июня 1999 г. именно в Российском Фонде культуры. В Лондоне, в Посольстве России, презентация происходила 16 июня 1999 года.

Итак, издание состоит из 15 томов, первые пять из которых (3-й, 4-й, 6-й, 7-й и 10-й) вышли в Великобритании 6 июня 1999 года — в самый день 200-летия великого поэта. Это лирика (1826–1836) (том 3), «Евгений Онегин» (том 4), «Борис Годунов» и другие драматические произведения» (том 6), «Капитанская дочка» (том 7), письма 1815–1826 гг. (том 10).

Уже состав первых пяти томов показывает особенности этого Полного собрания сочинений: стихотворный перевод «Онегина» Джеймса Фейлена сопровождается прозаическим «фабульным» переводом Роджера Кларка. «Капитанская дочка» публикуется отдельно, самостоятельным томом. Каждый том открывается обширным «введением в тему» — предисловием учёных-пушкинистов, объединённых международной редколлегией. Том писем представляет патриарх американской пушкинистики Томас Шоу, автор многих выдающихся научных трудов о Пушкине (в нашей Пушкинской школе мы часто пользуемся его замечательным «Конкордансом»). Предисловия к «Евгению Онегину» и драматургии написали ведущие английские пушкинисты профессор Джон Байли и профессор Энтони Бриггс; к «Капитанской дочке» — пушкинист и издатель прозы Пушкина в США профессор Пол Дебрецени и, наконец, к каждому из томов лирики — российский учёный, автор известных книг о Пушкине Леонид Матвеевич Аринштейн.

Издание (а названо оно «The Complete Works of Alexander Pushkin») было задумано (и получилось) дорогим — прекрасная бумага и печать, роскошные переплёты. Книги выпускает издательство «Milner and Company Limited», а финансирует его сам Иан Спрот². Заметим, что большинство переводчиков, а также все российские участники отказались от гонораров. Патронами проекта стали принц Майкл Кентский и супруга Президента СССР Р.М. Горбачёва.

Нам было очень любопытно выяснить вопрос о тираже и распространении издания. Исчерпывающе точных сведений получить, к сожалению, не удалось. Господин Иан Спрот в своём письме к нам от 4 апреля 2003 г. счёл нужным указать лишь следующее: издание *подписное*³. Люди могут подписаться на Полное собрание сочинений А.С. Пушкина на ан-

лийском языке, обратившись в издательство «Milner and Company Ltd» по адресу: P. O. BOX 18, Downham Market, Norfolk, PE 38 0LT. Люди узнают об этом издании в знаменитом лондонском магазине «G. Heywood Hill», или друзья рассказывают им, или они читают статью о нём в газете. Печатается только такое количество книг, для которого есть покупатели (это, как подчёркивает господин Спрот, «безопаснее»). Была открыта и website (страница в Интернете), через которую ведётся продажа.

В России не так много людей, которые хотят купить издание, но один Благотворительный фонд в Москве заявил, что они хотели бы купить 100 экземпляров.

Из публикации в прессе нам удалось также узнать о том, что подписка идёт в англоязычных странах — самой Великобритании, Австралии, ЮАР. В интервью «Российской газете» (4 июня 1998 г.) господин Спрот представил свой прогноз: «Важная часть нашего рынка — университеты и колледжи, не только британские, где ведётся преподавание на английском языке. Конечно, не везде потребности одинаковы — в иных странах закажут и уже заказали сотни комплектов, но мы с равным удовольствием принимаем заявки и на одно-два собрания! И я буду счастлив, если хотя бы по одному пушкинскому собранию окажется, например, в столичных университетах африканских государств! В общем, на тираж в несколько тысяч экземпляров мы можем рассчитывать. Курсы русской литературы сейчас читаются практически везде».

Остановимся на предисловии к третьему тому (охватывающему лирику Пушкина с сентября 1826 г. до кончины поэта в январе 1837 г.), ибо это поможет нам представить начальный уровень издания.

Автор предисловия Л.М. Ариштейн сразу же подчёркивает, что особенности лирики этого периода повторяют особенности жизни Пушкина: «именно в лирике, как и прежде, он изливал свои наиболее глубокие размышления и чувства, превратив её в своего рода лирический дневник». Английский читатель узнаёт о том, во-первых, что Пушкин перестал быть ссыльным, гонимым поэтом: в начале сентября 1826 г. он был возвращён из более чем шестилетней ссылки только что коронованным Императором Николаем I; что в этот период поэт были созданы посвящённые ему стихотворения: «Пророк», «Stances», «To my Friends»; «The Hero», «To N» и другие.

Далее читателю объясняется, что центром лирики Пушкина продолжала оставаться любовная тематика, но и здесь в эти — 1826–1836-е — годы многое меняется: на смену мотивам, прославляющим сиюминутное веселье, легковесные любовные увлечения в духе французской *poesie fugitive*, приходит зрелое и глубокое осознание любви как высшего божественного дара, приходит понимание высокой нравственной ответственности, которую налагает любовь («Thou and You», «Her Eyes», «I loved you», «The Madonna», «Elegy»).

Подчёркивается, что важное место в его творчестве заняла теперь медитативная лирика, тесно связанная, как и в английской поэзии, с лирикой пейзажной, с одной стороны, и с религиозно-философскими размышлениями — с другой («Воспоминание», «Монастырь на Казбеке», «Осень», «Странник», «Из Пиндемонти», «Молитва», «Памятник»); что «в России, где английская и немецкая философии были хорошо известны, а собственно национальная философия ещё только зарождалась, философская лирика Пушкина сыграла огромную роль в становлении русской философской мысли, представленной впоследствии творчеством Гоголя, Достоевского, Толстого и целой плеядой русских религиозных философов конца XIX — начала XX века».

Отмечая, что Пушкин был прекрасным знатоком античной и новой европейской поэзии, что он много переводил и в прежние годы, Л.М. Ариштейн объясняет английскому читателю, что в последнее десятилетие переводов Пушкин сделал гораздо больше. Поэт пишет «Подражания древним» — пять стихотворений 1833 г., переводит Горация, Анакреонта, Ювенала. В то же время Пушкин переводит и славянских поэтов (Адама Мицкевича), а также делает вольный перевод, а иногда и собственные вариации на тему «Песен западных славян», представляющих собой удачную стилизацию П. Мериме (Пушкин принял её за подлинные южнославянские народные песни).

Из английской поэзии в это время он проявляет особый интерес к творчеству Вордсворта, Колриджа и Саути, а также к поздним романтикам Вилсону, Боулазу и Барри Корнуолду. (Таковы переложения «Родерик, последний из готов» Саути, сонет Вордсворта.)

Таким образом, представитель англоязычного мира получает, на наш взгляд, очень глубокую и содержательную информацию о лирике Пушкина в последнее десятилетие его жизни.

Несколько слов о технических особенностях тома. Составители ориентировались на наиболее полное и научно выверенное академическое 10-томное собрание сочинений под редакцией Б. Томашевского, выдержавшее в России с 1950 по 1970 г. четыре издания. Вместе с тем — и это очень важно, — поскольку работа над рукописями Пушкина продолжалась и в 70–90-е годы (были уточнены некоторые трудно читаемые тексты), в английское издание внесены соответствующие коррективы.

Особенностью издания стало то, что, кроме предисловий к каждому тому, «The Complete Works of Alexander Pushkin» содержит различные уточнения и комментарии. Адресованность издания англоязычному читателю объясняет особенности этих комментариев. «Если письма Пушкина или историческая драма «Борис Годунов» прокомментированы очень подробно, то стихотворения даются практически без комментариев, чтобы не отвлекать читателей от чисто поэтических красот пушкинской лирики»⁴. Объясняются только самые необходимые реалии, имена, даты.

Так, людям, не знакомым с Россией, конечно, нужно знать, что Казбек — это гора на Кавказе, что сёстры Ушаковы — московские приятельницы Пушкина, а 19 октября — день основания Лицея. Но как это ни покажется странным, — отмечает

⁴ И.Ю. Юрьева, — даже такой упрощённый комментарий выгодно отличает английское издание от наших, отечественных. Вот только один пример (его приводит И.Ю. Юрьева): экспромт Пушкина «Когда Потёмкину в потёмках» во всех российских изданиях сопровождается таким комментарием: «Относится к гр. Е.П. Потёмкиной, сестре декабриста Трубецкого и жене богача гр. С.П. Потёмкина. Её дом в Москве на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина) славился роскошью убранства. Датируется 1829 годом предположительно».... В английском же издании он помещён на своём месте — в начале 1831 года — и исчерпывающе прокомментирован на основе книги

Л.М. Ариштейна «Пушкин: непричёсанная биография» (М., 1998). Дело в том, что в феврале 1831 года накануне свадьбы Пушкина заболела княгиня Вяземская, посажённая мать поэта. Пушкин бросился искать графиню Потёмкину и дал шуточный обет, что, если его поиски будут успешными (графиня согласится на эту роль и свадьба не сорвётся), он готов ради этого пожертвовать своей посмертной славой и в глазах потомков «стать наряду» с бульварным писакой Ф. Булгариным.

К слову сказать, русские собрания сочинений Пушкина, как справедливо отмечает И.Ю. Юрьева, имеют ещё один существенный недостаток, связанный с тем, что в России в полных и избранных собраниях сочинений лирика, как правило, перепечатывается из издания 1937–1949 годов без всяких изменений и без исправлений даже очевидных опечаток, хотя за последние 50 лет многие тексты были заново прочитаны, например, стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» 1829 г. Неотделанный текст конца стихотворения в только что переизданном полном собрании сочинений и даже в юбилейном сборнике лирики (М.: Воскресенье, 1999) выглядит так:

«прзб.» обняла кровавая забота,
Россия двинулась и мимо нас «прзб.»
И тучи конные, брадатая пехота,
И пушек светлые ряды.

Понятно, что такой текст не имеет никакого смысла, особенно в переводе. В английском издании за основу было взято прочтение Б.В. Томашевского 1950-х годов:

Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас волной
Шли тучи конные, брадатая пехота,
И пушек медных светлый строй.

Другой пример: в оглавлении лирики Пушкина вы даже не найдёте стихотворения «Я ехал в дальние края...» о кавказской поездке 1829 года, ибо во всех наших изданиях оно до сих пор печатается в обратном порядке, начиная со второго четверостишия: «Желал я душу освежить».

Были в наших изданиях и чисто идеологические искажения (советское Полное собрание сочинений готовилось к 1937 году!). Классический пример — стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один». В российских изданиях вплоть до 1910 года оно публиковалось под 1834 годом (эта дата стоит в рукописи) и с заглавием, данным В.А. Жуковским: «К Н***». (Гоголь относил его к императору Николаю I.) В советских и даже современных наших изданиях оно именуется «Гнедичу» и датируется 1832 годом (поскольку всем известно, что Гнедич умер в начале 1833 г., пушкинскую дату «1834» просто заменили на другую, более подходящую).

Это крайний случай идеологической фальсификации, но есть многочисленные примеры другого рода: в последние десятилетия научными сотрудниками Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН Я.Л. Левкович, Р.В. Иезуитовой, С.А. Фомичёвым заново прочитаны рабочие тетради Пушкина и уточнены даты десятков стихотворений, однако «имеющиеся в нашем распоряжении издания лирики просто не отвечают истории творчества Пушкина. Многие стихотворения публикуются у нас до сих пор не в те годы и даже не в том томе, где следует. Эти ошибки устранены *впервые* (выделено мною. — Е.Г.) в английском издании»⁵.

Уже приводимое в пример стихотворение «Когда Потёмкину в потёмках...» во всех российских изданиях публикуется среди стихотворений «разных годов», а в английском издании оно помещено на своём месте — в начале 1831 года. Таким же образом заново датированы «The man I was in old» (1826, а не 1828), «Русский Геснер» (1827), «С Гомером долго ты беседовал один» (1834) и другие. Некоторые стихотворения по этой причине из третьего тома (1826–1836) были перенесены во второй — «Золото и булат» (до 1826): «Литературное известие» (не 1829, а 1825), «Толпа глухая» (не 1833, а 1823), «Не знаю где, но не у нас» (1824), «Твои догадки — сущий вздор» (1821–1824).

Заметим, что многие ошибки старого советского издания 1937–1949 годов были исправлены уже в 1959 году, когда вышел справочный том Полного собрания сочинений. Но, как с горькой иронией подчёркивает И.Ю. Юрьева, «похоже, первыми заглянули туда редакторы английского тома лирики». То, что новейшие достижения научного пушкиноведения «пока далеко ещё не учтены в отечественных изданиях», отмечает и Л.М. Ариинштейн.

Все выше перечисленные (и другие) ошибки исправлены в английском издании.

Таким образом, при подготовке английского издания редколлегии приходилось решать вопросы, относящиеся к русским текстам Пушкина, и в этом уникальность издания не только для англоязычного читателя, но и для нас: «Это не просто перевод на английский язык имеющихся у нас полных собраний, а первый и пока единственный опыт постсоветского издания Пушкина, с учётом новейших открытий российских учёных»⁶.

Основная, на наш взгляд, задача составителей заключалась в том, чтобы наилучшим образом преподнести иностранному читателю произведения Пушкина, сделать их как можно более приближенными к пушкинскому оригиналу. Ведь, как известно, «главная проблема при подготовке любого переводного издания — адекватность переводов, особенно стихотворных». В данном случае нам было очень любопытно познакомиться со следующим наблюдением Л.М. Ариинштейна: «Через мои руки прошло немало переводов пушкинских

⁵ Юрьева И.Ю. Полный Пушкин в переводе на английский // Exlibris (приложение к «Независимой газете»). 1999. 22 июня.

⁶ Там же.

произведений на самые разные языки, и у меня сложилось впечатление, что именно английский язык способен наиболее адекватно передавать пушкинские тексты⁷. И далее учёный объясняет это удивительной общностью ритмических, музыкальных, эвфонических, интонационных особенностей русского и английского языков, которые делают переводы русской лирики на английский язык гораздо более полноценными и близкими к оригиналу, чем переводы с русского на другие европейские языки, включая такие высокоразвитые языки,

как французский и немецкий. Многие произведения Пушкина для Полного собрания сочинений были переведены заново, и сделали это специалисты высокой квалификации с использованием новейших достижений научного пушкиноведения... Таким образом, издатели располагали и уже существовавшими переводами, и новыми. Как отмечалось в одной из статей об английском издании, «зачастую приходится нелегко, когда надо выбрать единственный вариант из 14–15, причём многие из них превосходны»⁸.

Там же.

Сам Иан Спрот дал переводам такую оценку: «Конечно, при переводе кое-что в сравнении с оригиналом теряется, но в целом Пушкин предстаёт перед читателями во всем своём великолепии»⁹.

Вот один пример новых переводов (шутливый экспромт)

7 Цит. по: Торчинский О. «Весь Пушкин» на английском // Московская правда, 1999.

8 июня.

8

9 Цит. по: Озеров М. Весь Пушкин — на английском // Литературная газета, 1994.

№ 24.

10

Юрьева И.Ю. «Apple Tart is hard to start» (сокращённый вариант) // Exlibris (приложение к «Независимой газете»). 1999. 22 июня.

11

Он приехал в Россию через год после смерти великого поэта и преподавал в Лицее. Фома Шоу, как его называли в России, был знаком с П.А. Плетнёвым, другом А.С. Пушкина и первым издателем его произведений; Плетнёв считал переводы Шоу поразительно точными.

12

Юрьева И.Ю. Полный Пушкин в переводе на английском // Приложение Exlibris к «Независимой газете». 1999. 22 июня.

13

Там же.

Есть в третьем томе и классические переводы: начиная с 1839 г., когда другой Томас Шоу, современник Пушкина¹¹, впервые перевёл стихотворения Пушкина на английский язык, и заканчивая переводами Владимира Набокова («Что в имени тебе моём...»). Таким образом, «хронологические рамки переводов лирики составляют 160 лет — 1839–1999 годы»¹².

Часто считают, что любой перевод поэзии очень далёк от оригинала, что Шекспир в русском переводе — скорее творчество Пастернака, а не Шекспира. Никто не спорит, что лучше читать поэзию на языке подлинника. Но «если следовать такой крайней точке зрения, мы должны отказать самому Пушкину в знании Байрона и Шекспира (как известно, он читал их во французском переводе), не говоря уже о Гомере, Саади и псалмах Давида»¹³, ведь наш великий поэт не владел ни греческим, ни восточными языками.

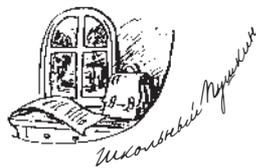
Candied peel
I bail to feel,
Almond paste
I not my taste
Apple tart is hard to start
When were apart, my dearest
Heart.

Мне изюм
Нейдёт на ум,
Цукерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа¹⁰.

(Из стихов в альбом А.П. Керн, 1828)

Заметим такую интересную деталь: в переводе А. Рума мы не найдём ни изюма, ни цукерброда, ни пастилы, зато найдём цукаты и яблочный пирог, которых нет в стихах Пушкина. Тогда почему же этот перевод признаётся удачным? Да потому, что он прекрасно передаёт и жанр, и стиль, и ритм пушкинского экспромта — причём всё это заключено в целостной гармоничной стилистической системе. Стихотворение звучит по-английски столь же легко и талантливо, как звучат по-русски стихи Пушкина. И яблочный пирог оказывается здесь, в английском стихотворении, очень органичным, особенно если мы вспомним, как подписал Пушкин одно из своих писем к А.П. Керн — «Весь ваш Яблочный Пирог». (Интересно, читал ли это письмо переводчик или этот образ пришёл к нему по наитию?)

Перевод принадлежит замечательному современному переводчику Адриану Руму. Кроме него, над новыми переводами лирики успешно работали Ирина Хендерсон, Джеймс Фейлен, Джилл Хигге, Джон Куттс.

У самого Пушкина есть около десяти стихотворных переводов с английского языка. Они настолько точны, что даже привели к курьёзным ситуациям. Так, один из переводчиков лирики, не зная, что имеет дело с переводом Пушкиным «Гимна Пенатам» Саути («Hymn to the Penates»), перевёл его на английский язык в стилистике, поразительно близкой к английскому оригиналу. Поэтому редколлегия отказалась от публикации стихотворений в обратном английском переводе. По той же причине не помещены в обратном переводе такие пушкинские произведения, как «The Twa Corbies» (Scottish ballad), «Madoc (Madoc in Wales)» (из Саути), «Мера за меру» (из Шекспира), «Из Barry Cornwall» («Song»), «То было вскоре после боя» (из «Мазепы» Байрона), «Как редко плату получает» (из Колриджа). В этих случаях редколлегия отсылает читателя к соответствующим произведениям Саути, Колриджа, Шекспира, Барри Корнуолла... Нельзя, конечно, не пожалеть, что в приложении к тому лирики не приводятся эти тексты — источники Пушкина. Редколлегия сочла неуместным помещать оригинальные английские произведения в собрании сочинений Пушкина. Кроме того, «в Англии и США стихи их поэтов XIX века доступны всем, и в любой библиотеке можно получить на дом сборник Барри Корнуолла — точно такой же, каким пользовался Пушкин. В России эти издания порою недоступны даже специалистам, но английский Пушкин издаётся не для нашего, а для зарубежного читателя. Вот почему собрание оказалось неполным — в части переводов Пушкина с английского»¹⁴.

Теперь, рассмотрев переводы Пушкина с английского, займёмся главным — переводами его произведений на английский язык. Автор располагает уникальными материалами: несколькими десятками листов рукописей переводов ко второму тому лирики (1820–1826 гг.), исправления и замечания на которых сделаны рукой Л.М. Ариинштейна.

Вспомним, что для английского собрания многие стихотворения отбирались из 14–15 вариантов и именно те переводы, которые «учитывали как смысл, так и поэтическую форму оригинала, передавали и содержание, и образность, и ритм поэзии Пушкина»¹⁵.

Попробуем проиллюстрировать вышесказанное на примере стихотворения «Я пережил свои желанья» (1821 г.). В оказавшихся у нас рукописях оно представлено в семи (!) вариантах перевода.

Первый перевод (Моррисона), по всей видимости, вызвал наибольшее одобрение у редколлегии, так как именно он был в дальнейшем включён в издание (что ниже стихотворения и помечает Ариинштейн). То, что именно данный текст включён в издание, как нам представляется, правильно. Это подтверждает сделанный автором работы обратный перевод с английского. Особенно близка к оригиналу, на наш взгляд, последняя строфа:

1) У Моррисона: As, when the year's late tempests guiben,
Soon to have stripped the branches bare,
By whistling winds of winter stricken,
A lone leaf trembles in the air.

2) У Пушкина: Так, поздним хладом поражённый,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнажённой
Трепещет запоздалый лист!

3) Вот как мы можем перевести это буквально:

Так, когда разгораются поздние бури,
Сей же час обнажаются голые ветки,
Свистом зимних ветров поражённый
Одинокий лист в воздухе трепещет.

¹⁴

Юрьева И.Ю. Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 15 томах на английском языке. Авторская компьютерная вёрстка статьи для «Exlibris».

¹⁵

Там же.

Этот текст можно считать примером для остальных английских переводчиков, однако стоит рассмотреть и другие варианты.

Современником Пушкина Томасом Шоу последние две строфы были переведены практически безупречно, а вот первые две, — как нам кажется, — не соответствуют пушкинским:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты...

(англ.): I have outlived the hopes that charm'd me,
The dreams that once my heart could bless!

буквальный перевод:

Я пережил надежды, которые очаровывали меня,
Мечты, которые однажды моё сердце могли осчастливить...

Зато последняя в этом четверостишии строчка, напротив, ближе по смыслу к подлиннику, чем в предыдущем переводе, выбранном для издания:

У Моррисона: ...sensation
That echoes in my empty heart.

... чувство,
(Которое отражается в моём пустом сердце...)

У Шоу: Fruits of the spirit's loneliness.
(Плоды душевного одиночества).

Но избранный издателями перевод, безусловно, заслуживает уважения, как, впрочем, и следующий — Мориса Беринга. Как и в предыдущем тексте, вторая и третья строфы в нём вполне соответствуют оригиналу. По всей видимости, этот вариант остался без должного внимания редактора только из-за «своеобразного» перевода первой строфы, где, волею переводчика, появляются какие-то посторонние и неподходящие, как нам представляется, сравнения:

(англ.): I've lived to bury my desires,
And see my dreams corrode with rust;
Now all that's left are bruitless fires
That burn my empty heart to dust.

(обр. перевод): Я пережил свои желанья,
И вижу мои мечты, будто *разъеденные ржавчиной*.
Теперь всё, что остаётся, — бесполезные пожары,
Которые *сжигают моё опустевшее сердце дотла*...

Следующий (четвёртый по счёту) перевод, несмотря на то что он не попал в издание, очень хорош, можно даже сказать — превосходен (недаром же он — единственный из всех переводов этого стихотворения — удостоился оценки «5» от Леонида Матвеевича Аришштейна). Мы задались целью понять, чем же этот вариант так удивил и привлек «строгую судью».

При обратном переложении английского текста на русский на первый взгляд никаких отличительных особенностей не заметно. Хотим выделить лишь один момент: переводчик очень удачно, как нам показалось, соединил первую и вторую строчки последней строфы в одну:

Так, когда ветры стонут зимой...

Но, возможно, в этом варианте и учитывался «тот смысл, та поэтическая форма, та образность и тот ритм». Но в нём содержится не стопроцентно точный перевод пушкинского стихотворного текста, за что, наверное, он и не был включён в собрание сочинений. Посмотрим, например, как звучит в нём пушкинская строка: «Плоды сердечной пустоты...» А звучит она в обратном буквальном переводе так: «Колебания ожесточённого сердца...» У Т. Шоу же, например, речь идёт о «Плодах душевного одиночества...».

В целом же приводимый перевод можно признать очень успешным как с точки зрения «адекватности», так и с точки зрения образности и художественной поэтической мысли.

В пятом по счёту переводе всё того же стихотворения «Я пережил свои желанья» (в данном случае оно названо просто «Элегия») первое, что обращает на себя внимание (и значительно усложняет текст), — это неудачный вариант второй строки:

у Пушкина:	Я разлюбил свои мечты
у переводчика:	«The dreams I loved are all outworn...» (Мечты, которые я любил, все истощились...)

Любопытно заметить, что есть в стихотворении одна-две строки, которые в каждом из переводов трактуются по-своему (это первая и вторая строки третьей строфы):

As when in grip of late frost taken?
While whistle rings from winter's blast...
(Так, когда в объятии позднего мороза поражённый,
Когда звучит свист зимнего ветра...)

Для сравнения из предыдущего перевода:

Just so, when winds in winter moan,
And snow descends in frigid flakes...
(Так, когда ветры зимой стонут
И снег обрушивается в холодные сугробы...)

Предпоследний перевод, нам кажется, ничем примечательным не выделяется. Кроме того, в нём неточно переведена первая строка, она очень отличается от оригинала:

«My dreams have lost their early gladness»
(Мои мечты утратили свою прежнюю радость.)

Полагаем также, что было бы целесообразно заменить слово «обманутый» («deluded») в первой строке третьей строфы на (как это в оригинале) «поражённый» («defeat»).

Что же касается последнего, седьмого перевода «Elegy», то его более всего критиковал Л.М. Аринштейн, и мы с ним полностью согласны. Оценил его Леонид Матвеевич всего в два балла. (Такую оценку Аринштейн поставил под текстом перевода.) И не удивительно: например, в первой и третьей строках слова почему-то «поменялись местами»:

I've lived passed fleeting dreams of yearning
My reveries I love no more
Alone, I must? With heartfelt feeling
The fruit of emptiness endure.

Я пережил грёзы томленья.
 Мои мечты я больше не люблю.
 Одинокий, я должен с сердечным волнением
 Плод пустоты переносить.

«Yearning» (томление), естественно, более близко к русскому «страданье», а «feeling» (чувство) — к русскому «желанье».

Кроме того, мы видим явное расхождение с пушкинскими третьей и четвёртой строками перевода (см. предыдущую цитату). В последней же строфе переводчик сделал настолько «пространный» перевод (особенно в первых двух строках), что теряются суть, смысл. Он очень далеко отошёл в своей работе от Пушкина:

у Пушкина: Так, поздним хладом поражённый,
 Как бури слышен зимний свист,
 Один — на ветке обнажённой
 Трещит запоздалый лист.

у переводчика: O, Winter of my days, belated
 Brings only yet more icy chill;
 Alone, as on a bare twig bated,
 A trembling leaf, I linger still.
 (О, зима дней моих, запоздалая,
 Приносит только ещё больше простуды ледяной,
 Один, как на обнажённой ветке роковой
 Дрожащий лист, я все ещё держусь.)

(Не случайно последнее четверостишие отмечено Аринштейном полосой: по всей видимости, в знак непонимания перевода.)

Много любопытного находим и в переводах других пушкинских стихотворений.

Так, на рукописи стихотворения 1826 года «Из письма Великопольскому» редактор отмечает довольно курьёзную ошибку. В английском переводе заглавие «From a letter to a Great Pole» она видна невооружённым глазом: переводчик перевёл фамилию Великопольский как Great Pole (что в дословном переводе — Великий Поляк), не поняв, что это фамилия! (Разумеется, в издании стихотворение идёт под правильным заглавием.)

Других существенных недостатков при обратном переводе мы не видим, за исключением, пожалуй, следующих небольших несоответствий:

у Пушкина: С тобой мне вновь считаться довелось,
 у переводчика: Я нахожу себя снова думающим о тебе.

Или в шестой строке у переводчика появляется оборот, которого у Пушкина не было: «...Докажут это совершенно ясно, как луна на небе».

У Пушкина: «Наличные свидетели тому»,

С большим интересом мы изучали рукописи переводов «Из письма к Родзянке». Опубликовано под № 148¹⁶, оно сопровождается такой важной пометой Л.М. Аринштейна: «Ошибка переводчика: «прости» — принял за просьбу о прощении, а не за прощание».

Действительно! (И все ли русские читатели знают об этом значении слова «прости» в пушкинское время?)

У переводчика — «Poet, forgive!» — «Поэт, прости!»

У Пушкина же — «Прости, поэт, т. е. Good bye, Poet!»

16

Это номер стихотворения в оглавлении тома. Стихотворения нумеруются сразу, пока ещё нет переводов, а потом по номерам расставляются по порядку, когда переводы сделаны. (В эту важную технологическую деталь работы нас посвятила И.Ю. Юрьева.)

Представляется нелишним отметить и ещё одну деталь перевода этого произведения: во второй строке переводчик называет Родзянко «наместником богов страсти и песни», а Пушкин называет Феба и Приапа.

В стихотворении «Как наше сердце своенравно!» (в переводе — просто «Как своенравно!» — «How wayward!»), имеющем порядковый номер 99, была ошибка во второй строке: «not long ago» (недавно) — было заменено на «again» (вновь), в соответствии с пушкинским: «...томимый *ВНОВЬ*».

Однако остались другие недочёты и несоответствия; например:

у Пушкина:	Участьем, нежностью притворной Одушевлять твой дивный взгляд...
у переводчика:	Твоим небесным взглядом с притворной Нежностью сострадание внушать...

Под номером 176 в рукописях ко второму тому лирики следует известное стихотворение «Храни меня, мой талисман». Перевод Джеймса Фейлена получил оценку «4+». Может быть, размышляем мы, получил бы и пятёрку, если бы не первая строфа. Она-то прежде всего и вызвала недовольство Леонида Матвеевича. (Он обвёл множество слов, поставил несколько знаков вопроса и даже сделал запись ниже текста: «Неудачный перевод первой строфы».)

При дословном обратном переводе действительно становится очевидной огромная разница между оригиналом и переводом, а смысл последней строки в первом четверостишии не только не совпадает с пушкинским, он вообще мало понятен:

у Пушкина:	Храни меня, мой талисман, Храни меня во дни гоненья, Во дни раскаянья, волненья: Ты в день печали был мне дан.
у переводчика:	Preserve my soul, my secret charm, Preserve me in days of harm: You saved me once from sorrow's knife. (Храни мою душу, мой тайный амулет, Храни меня во дни борьбы, В безнадежные дни и дни вреда: Ты спас меня однажды от скорбного ножа.)

(Особенно удивляет этот неизвестно откуда взявшийся «скорбный нож»!)

Остальные три строфы, напротив, близки к оригиналу (за что и получили от Аринштейна оценку «5+»).

Стихотворение «К морю» (№ 121) перевёл на английский язык современник Пушкина Т. Шоу, но поскольку в то время цензурой была исключена строфа, содержащая слова «иль просвещение, иль тиран», её вставили из перевода В. Ардта (эту любопытную подробность мы узнали из примечания Л.М. Аринштейна):

переводчик:	Bereft the world... where by your power, O, Sea, would you now carry me? Life offers everywhere one dower: On any glint of bliss there glower Enlightenment or tyranny.
-------------	---

обр. перевод: Мир опустел... куда своею властью
 О, океан, теперь ты вынес бы меня?
 Жизнь жертв везде одинакова дана.
 На любую вспышку блаженства там сердито смотрит
 Просвещенье или тирания/тиранство.

Все перечисленные (а ещё более — не перечисленные!) лексические отклонения в переводах от оригинала, конечно, ни в коей мере не умаляют огромного значения издания. Подводя итоги, мы ещё раз хотим подчеркнуть его уникальность и очень важную роль.

Уже одно только то, что впервые на английском языке полно представлены философская и политическая лирика поэта, значит неизмеримо много (прежде в английских переводах издавалась в основном «лёгкая» любовная поэзия).

Благодаря «The Complete Works of Alexander Pushkin in English translation in 15 volumes», Пушкин-пророк, «религиозный философ, патриот и певец самодержавной России»¹⁷ впервые может быть понят в англоязычном мире.

Но дело даже не в том, что было недостаточно переводов конкретных произведений (ведь всё-таки проза Пушкина, «Евгений Онегин», даже письма поэта издавались по-английски Томасом Шоу, Полом Дебрецени, Джеймсом Фейлен), а в том, что «в англоязычном мире неотъемлемым атрибутом великого писателя является Полное собрание его сочинений.

Из-за отсутствия такого издания творчество Пушкина оставалось в сознании английского читателя «белым пятном» в истории русской литературы. Достоевский, Толстой, Чехов, чьи полные собрания давно переведены на английский язык, гораздо больше известны за рубежом, чем Пушкин»¹⁸.

Особое значение издания определяется и тем, что англоязычный мир огромен: сегодня каждый четвёртый житель планеты говорит по-английски, а значит, с «полным Пушкиным» теперь имеет возможность познакомиться четвёртая часть населения планеты!

Значение же такого «знакомства» неоспоримо велико, ведь оно позволит далёкому от нас сегодня англоязычному миру по-новому понять и оценить нашу Россию. Как совершенно замечательно, на наш взгляд, объясняет сам Иан Спрот, «Пушкин с блеском раскрывает ту часть русской души, которую можно назвать «открытость миру», он делает русских и Россию понятными людям других стран. Существует миф о «загадочности», «закрытости» русской души, а Пушкин, писатель очень светлый, раскрывает эту душу, делает её ближе и понятнее людям других наций. Сейчас Россия начала раскрываться миру, в XXI веке, уверен, этот процесс пойдёт ещё активнее, и великое пушкинское наследие немало тому поможет... Благодаря его творчеству, всё большему количеству людей становится ясно: сейчас мало отдавать себе отчёт, что Россия принадлежит к европейским странам. Сейчас надо понять, что Европа невозможна, не будет цельной без России. Взять, к примеру, Россию и Англию. Веками считалось, что они на разных концах Европы, их почти ничего не объединяет. А в наше время более уместно другое сравнение: наши страны — как два глаза, смотрящие на мир. Это разные глаза, правый и левый, но они дополняют друг друга, и благодаря тому, что смотрят вместе, человек получает полную и объёмную картину окружающего мира... Я убеждён (говорит инициатор и издатель «всего Пушкина» на английском), что именно с литературы начинается понимание России как страны, а русская литература — это прежде всего Пушкин»¹⁹.

Благодаря его творчеству, всё большему количеству людей становится ясно: сейчас мало отдавать себе отчёт, что Россия принадлежит к европейским странам. Сейчас надо понять, что Европа невозможна, не будет цельной без России. Взять, к примеру, Россию и Англию. Веками считалось, что они на разных концах Европы, их почти ничего не объединяет. А в наше время более уместно другое сравнение: наши страны — как два глаза, смотрящие на мир. Это разные глаза, правый и левый, но они дополняют друг друга, и благодаря тому, что смотрят вместе, человек получает полную и объёмную картину окружающего мира... Я убеждён (говорит инициатор и издатель «всего Пушкина» на английском), что именно с литературы начинается понимание России как страны, а русская литература — это прежде всего Пушкин»¹⁹.

¹⁷ Юрьева И.Ю. Полный Пушкин в переводе на английский // Exlibris (приложение к «Независимой газете»). 1999. 22 июня.

¹⁸ Юрьева И.Ю. Статья «Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 15 томах на английском языке». Авторская компьютерная вёрстка.

¹⁹ Цит. по: Никитин М. Почему английский бизнесмен влюбился в «Капитанскую дочку» // Российская газета. 1998. 4 июня.